

Ясуи РЕХЭЙ:

«С Василием Беловым мы поняли друг друга сразу»

— Ясум, — обращаюсь к гостю, — а что привело Вас в Россию?

— В Москве я не был полтора года. Но ваши передачи в Японии мы смотрим постоянно. На экране показывают какой-то ужас: убийцы, бои, нищие в подземных переходах. Так ли это в действительности? Хотелось все увидеть своими глазами и узнать, как живется в таком кошмаре моим друзьям.

— А почему Вы решили заняться изучением русской литературы?

— Я начинал знакомство с русской литературой с XIX века. Занимался двумя течениями: славянофильством и западничеством. Дипломную работу писал о Чаадаеве. Однажды понял и осознал: мне гораздо интереснее и ближе писатели-славянофилы. Постепенно стал знакомиться с творчеством современных писателей и само собой вышел на произведения Валентина Распутина и Василия Белова. А в 1971 году во время очередного посещения Москвы познакомился с Вадимом Кожинным. О нем я написал несколько статей. Сейчас он — один из самых верных моих друзей. От Вадима Валерьяновича я узнаю все новости литературной жизни России. Благодаря Кожиннову в его московской квартире я познакомился с вашим земляком Василием Ивановичем Беловым.

Ясуи Рехэй — профессор русской литературы университета Васеда в Токио. Он не любит машин и почти никогда ими не пользуется. А потому после занятий минут пятьдесят едет электричкой, затем идет пешком к своему двухэтажному, типично японскому деревянному дому, окруженному небольшим садиком.

На втором этаже — его кабинет. И, конечно, библиотека. Пушкин, Достоевский, Чехов, Пришвин, Распутин, Белов. Среди наиболее любимых и близких поэтов Ясуи называет Тютчева. Еще студентом университета — было это 35 лет назад — он перевел его на японский язык. Но это там, в Стране восходящего солнца.

— А как Вы открыли для себя творчество этого писателя?

— В вашем городе есть очень хороший книжный магазин. Там продают не только русские, но и другие книги — английские, французские, немецкие. Мне на глаза попались «Плотнищие рассказы». Стал читать и увидел совершенно иной мир — простых северных людей.

Я сам родился и вырос в большом городе. Сын мастера, торговца. Но кое-что о сельском мире знал от матери — она из крестьянской семьи. Знакомство с жизнью простых людей было очень интересно. Я открыл для себя какую-то житейскую мудрость, народную философию. А потом познакомился с «Канунами», «Ладом», «Рассказами о всякой живности», которые очень люблю за своеобразием легкий юмор.

В гостях у Василия Ивановича я был несколько раз. Удивило его отношение не только к нам, но и к окружа-

ющему миру. Белов родился в России, на Севере. Я — в Японии. Разные страны, разные системы. Но при встрече оказалось, что это не имело никакого значения. Мы поняли друг друга сразу.

— Вы были на родине писателя в Тимонихе?

— Да. Мы с женой приехали туда зимой. Я никогда не думал, что бывает такой мороз, такие звезды и такая красота. Особенно тишина. Первый раз услышал необыкновенную симфонию: гудение проводов в стылom морозном воздухе.

Мы встречали Новый год по старому стилю. К Василию Ивановичу зашла с пирогами крестьянка. Спокойно, с достоинством поздравила нас с праздником.

В Тимонихе сейчас живут одни старики. В избах — пять-шесть семей. Остальные дома — пустые. Я спросил у Василия Ивановича: «Разве можно вернуть, воскресить прошлое?». После нескольких минут размышлений — он

стоял мрачный и понурый — Белов ответил: «Да». У нас в Японии тоже есть такие деревни, подобные проблемы. Сельским хозяйством занимаются только старые люди и их жены. Но у вас на Севере это гораздо ужаснее.

— Ясуи, много ли среди японских студентов желающих заниматься изучением русской литературы?

— Интерес к литературе и культуре России есть. Он то повышается, то понижается. Во время войны с Афганистаном резко упал. Но благодаря перестройке мы не стали безработными. В последнее время интерес снова возрастает.

Я читаю лекции по современной литературе. В прошлом году со студентами познакомился с «Ладом» Василия Белова, «Временами года» Михаила Пришвина, которого я тоже очень люблю. Нас интересует отношение русских не только к своему прошлому, к жизни, но и к природе.

Михаила Пришвина лично я не знал, но несколько раз встречался с его супругой. Сейчас у нас сложились хорошие контакты с сотрудниками музея писателя. А в университете я пытаюсь даже организовать кружок пришвинистов. Пока их еще мало — одна девушка написала диплом, в будущем году подготовит работу студент, — но все равно надеюсь, что смогу увлечь творчеством этого

писателя многих.

— А у Вас есть какие-либо научные статьи, посвященные анализу творчества Василия Белова?

— Да. Их несколько. Посвящены ключевым произведениям писателя — «Канунам» и «Лад». Публиковались в университетских сборниках.

Знаете, почему я с таким интересом изучаю русскую литературу? Я всегда думал о судьбах писателей в России, пытался понять: почему вдруг расходятся их пути? Кожиннов, Бочаров, Бахтин — известные литературоведы. Начинали все в одно время, придерживались одних взглядов, одного направления. И вдруг Бочаров становится «западником» и отмечает свои прежние убеждения. Разве это не трагедия?

Чем меня привлекает Россия? В ней сочетаются элементы не только Запада, но и Востока. Поэтому в течение восьми с лишним лет я сотрудничал с самой крупной японской газетой «Асахи». Вел рубрику «Культурная жизнь за рубежом». За это время написал более 150 статей, посвященных русскому искусству. Одна из первых была о Лидии Гинзбург. В то время я очень внимательно читал русские журналы и газеты, пытаясь понять загадку вашего народа и интеллигенции.

Беседовала
Нина АВДЮШКИНА.